

МНОГО...»

Давно хочу встретить хотя бы одного счастливого старика. Или старушку. Вернее, так: тем более старушку. Которые бы в виде исключения пережили большую часть нынешнего века благополучно. Чтобы вспоминали они не войны, не голод, не борьбу за жизнь, не застенки и лагеря. А дружную уцелевшую семью, интересную работу, достаток и комфорт...

Детские воспоминания Евгении Ивановны Заславской относятся к тем годам, когда по Украине гуляли бесчисленные банды. Большая еврейская семья то и дело пряталась от бандитов.

Незадолго до войны Евгения Ивановна начала свою недолгую артистическую карьеру. В артистки попала почти случайно, но случаю этому была благодарна. В начале тридцатых работала в Виннице диктором на радио. Радиостудия была средоточием культурной жизни. Часто приходили сюда артисты из филармонии — репетировали, выступали. Они-то и заметили, что у молодой дикторши эффектная внешность и хорошо поставленный голос. Уговорили попробовать поступить в театральное училище. В студию при Киевском русском драматическом театре Евгению Ивановну приняли сразу. А в тридцать седьмом она ее окончила с популярной тогда специальностью чтец-декламатор, или, как еще говорили, актриса художественного слова.

Первый концерт запоминается на всю жизнь. Даже «провальный». Евгении Ивановне тот новогодний концерт 31 декабря 1937 года запомнился словами старичка-администратора: «Я первый раз за свою жизнь вижу, чтобы чтицу не отпускали со сцены».

Темпераментная актриса, «красивая, молодая и с хорошими туалетами» пользовалась успехом у публики. В том числе и у военной. В конце тридцатых, после присоединения Западной Украины, война шла совсем рядом. Евгения Ивановна, как и большинство других винницких артистов, выступала во фронтовых бригадах. А в июле сорок первого пришли немцы. В конце сентября был первый еврейский погром. Всех, кого схватили, увели якобы для отправки в Германию. И как водится, не отправили дальше пригородного леса. Там сейчас стоит памятник, а тогда три дня шевелилась земля...

С приходом немцев стало ясно, что лучше быть кем угодно, но только не Евой Ионовной Заславской. Паспорт, к счастью, удалось переделать, правда, как потом выяснилось, не совсем удачно. Помог знакомый директор филармонии. И переделать паспорт, и устроиться на работу в казарму к немецким летчикам. Хорошо знавшая немецкий язык, Евгения Ивановна слушала разговоры офицеров и... передавала работавшему в городской управе директору филармонии. Для кого, зачем — этим она не интересовалась, и знала, что интересоваться не полагается.

Бывшего директора Винницкой филармонии Евгения Ивановна вспоминает с благодарностью. Все-таки, помогая ей, он шел на определенный риск. Даже взял в свою семью, когда где-то стало жить. А это случилось разом, в один день. Шла с работы домой, и вдруг кто-то за спиной крикнул: «Стой, не ходи! У вас немцы!» Не пошла, а потом оказалось, что идти не к кому. Погибли все — отец, мать, маленький сын, сестры. А однажды поехала на базар и попала в облаву. С русским паспортом и достаточно «интернациональной» внешностью немцев она не боялась. Но очень грамотный полицай из местных придрался к исправленному паспорту. Художница, которая подделывала его, не смогла уместить длинное имя «Евгения» на месте короткого «Ева». И вместо русского «и» поставила украинское. Полицай заявил, что русские имена так не пишутся.

Потом, в тюремной камере, этот же полицай долго бил ее, требуя сознаться, что она — еврейка. В конце концов попытался изнасиловать. Евгения Ивановна позвала на помощь, по-немецки объяснив офицеру, в чем дело. Как ни странно, помог арийский антисемитизм. Не считавший евреев за людей, фашист

спросил полицая, как тот мог покушаться на нее, если говорит, что она — еврейка. Полицай избили, а Евгению Ивановну отправили в гетто, в Хмельник.

Год, проведенный в гетто, годом жизни назвать нельзя. Его нужно умножить в несколько раз и вычестить из биографии. Но Евгении Ивановне повезло, помог бежать один пленный австриец. Он говорил, что хочет показать ее фотографию жене в доказательство того, что спас хотя бы одного человека на войне. Лагерь охраняли не горевшие антисемитизмом и жадные до подарков румыны. Австрийцу удалось подкупить их всего лишь золотыми сережками Евгении Ивановны. После гетто она долго лежала в больнице.

В сорок четвертом пришли наши. Наступило счастье — свобода! Но испытания не закончились. Почти всех, кто работал у немцев, вызывали в «органы». Офицер кричал, что никогда не поверит Евгении Ивановне, что та не являлась с немцами и не танцевала перед ними на столе. Исход таких разговоров был ясен заранее, но ей опять повезло. На почте обнаружилась открытка, адресованная всем Заславским, кто остался жив. Ее оставил старший брат, находившийся в Виннице вместе с наступающей армией. Он тоже служил в «органах». Брат вмешался, и Евгению Ивановну оставили в покое.

Одной ее знакомой повезло меньше. Во время оккупации в Винницком парке культуры под качелями обнаружилось захоронение расстрелянных в тридцать седьмом. Многие ходили туда, надеясь отыскать пропавших родственников. В том числе и знакомая Евгении Ивановны, у которой перед войной забрали мужа. Как оказалось, кто-то фотографировал проходящих к могиле. После вступления наших войск в Винницу знакомую Евгении Ивановны, мать двоих детей, арестовали только за то, что она искала останки мужа, и дали пятнадцать лет.

После освобождения Винницы с сорок четвертого года Евгения Ивановна еще некоторое время выступала во фронтовых бригадах. А потом пришлось уехать в другой город, оттуда — в другой. И везде приходилось заполнять анкеты. Как только писала, что была в оккупированной зоне, возникала масса проблем с устройством на работу. Один умный человек посоветовал писать в анкете, что во время войны была в Ташкенте. Так Евгения Ивановна «забыла» и свое артистическое образование, и выступления. Стала работать кассиром, но в самодеятельности участвовала всегда. Да так, что занимала призовые места в республиканских смотрах.

...Чем старше становится человек, тем сильнее ему хочется жить. Это неправда, что старики устают от жизни, какой бы она тяжелой ни была. Когда после войны Евгения Ивановна осталась одна, хотела руки на себя наложить. Помогли выжить друзья и надежда на лучшие времена, на встречу с кем-то из близких. Первый муж Евгении Ивановны пропал без вести во время войны. Второй умер, когда ей было за шестьдесят, не оставив ни детей, ни внуков. Тогда тоже не хотелось жить, да и здоровье было, мягко говоря, неважное. И опять выручила природная воля к жизни.

Сейчас, говорит Евгения Ивановна, весь оптимизм убивает та, без преувеличения, нищета, в которой она оказалась. Хотя на первый взгляд, все вроде бы не так плохо. У нее отдельная двухкомнатная квартира с телефоном. Пока еще есть силы поддерживать в ней идеальный порядок. Но сил жить на 60 тысяч пенсии становится все меньше. Евгения Ивановна понимает, что сейчас многим трудно жить, особенно ее сверстникам. Поэтому не ждет никаких особых благ для себя. Хотя бы то, что положено.

Уже не один год она не может добиться официального признания себя узником гетто. Нет свидетелей. А если и находятся, то такие же, как она, бездокументные. Во всех инстанциях, куда обращалась Евгения Ивановна, ей отвечали: «Таких, как вы, много». К сожалению, это так.

Татьяна САРАНА.